

23.03.2023

ТЭК1/1 ТЭК1/2 БУ1/1

Тема :**Николай Алексеевич ОСТРОВСКИЙ. Жизнь и творчество. Роман "Как закалялась сталь"**.

План:

1. Николай Алексеевич ОСТРОВСКИЙ. Жизнь и творчество. Роман "Как закалялась сталь".
2. Николай Островский и его роман «Как закалялась сталь».
3. Идеинохудожественное своеобразие романа.
4. «Необыкновенное время» в произведении.
5. Характер и психология героев романа.
6. Судьбы людей, творящих новые общественные отношения. Значение творчества Н.А. Островского

Никола́й Алексе́евич Остро́вский (16 (29) сентября 1904, в селе Вилия, Острожский уезд, Волынская губерния — 22 декабря 1936, Москва) — **советский писатель**, автор романа «**Как закалялась сталь**». Родился 16 сентября 1904 года в селе Вилия Острожского уезда Волынской губернии Российской империи в семье отставного унтер-офицера и акцизного чиновника Алексея Ивановича Островского (1854—1936) и Ольги Осиповны Островской (1875—1947), дочери переселенца из Чехии.^[i]

Досрочно был принят в церковно-приходскую школу «по причине незаурядных способностей». Школу окончил в 9 лет, в 1913 году, с похвальным листом. Вскоре после этого семья переехала в Шепетовку. Там Островский с 1916 года работал по найму: сначала на кухне вокзального ресторана, затем кубовашником, рабочим материальных складов, подручным кочегара на электростанции. Одновременно учился в двухклассном (с 1915 по 1917 год), а затем высшем начальном училище (1917—1919). Сблизился с местными большевиками. Во время немецкой оккупации участвовал в подпольной деятельности, в марте 1918 — июле 1919 года был связным Шепетовского ревкома.

Военная служба и партийная работа[править | править код]

20 июля 1919 года вступил в комсомол. «Было так, что вместе с комсомольским билетом мы получали ружьё и двести патронов», — пишет Островский в черновых тезисах к IX Съезду ЛКСМУ^[i]. 9 августа 1919 года ушёл на фронт добровольцем.

Запис в военном билете Николая Островского: «Вступил на службу в РККА добровольно 9 августа 1919 года, в батальон особого назначения ИЧК^[i] (Изяславской Чрезвычайной комиссии)^[i]».

Будучи ещё школьником старших классов, воевал в кавалерийской бригаде Г. И. Котовского и в 1-й Конной армии.

В августе 1920 года был тяжело ранен в спину под Львовом шрапнелью (параллельно получив травму глаза) и демобилизован, вернулся в Шепетовку.^[i]

Участие в Гражданской войне[править | править код]

Александр Иосифович Пузыревский — командир части в корпусе ВУЧК в группе особого назначения, вспоминает^[i]:

«Под моим командованием в этих частях был и Николай Островский…

Молодой боец с кипучей энергией, прекрасными способностями бойца-организатора. Упорно работая над собой, он быстро становится организатором комсомола в частях Красной Армии и населённых пунктах, которые она проходила»^[комм. 1].

Впоследствии писатель вспоминал: «Когда наша 44-я стрелковая дивизия Щорса с бригадой Котовского разгромила петлюровцев и освободила Житомир^[комм. 2], я много наслушался от бойцов о легендарном Котовском, пошёл к нему в конную разведку. Нравилась мне разведка. Меня, как комсомольца, сделали политбойцом, чтецом, гармонистом. Был даже учителем по ликвидации неграмотности. После выздоровления (от тифа) догнал Котовского [в Лозоватке], когда он в января 1920 года формировал кавалерийскую бригаду. Стал проситься в конницу, а в штабе настояли и направили в стрелковый полк. <…> Потом на Одессу пошли. <…> Под Вознесенском меня немножко ранило, поэтому в Одессе не пришлось побывать. Возвратился в полк тогда, когда он бился с белополяками. Вскоре вернулся к будённовцам»^[i].

В декабре 1919 года в Криворожье вспыхнуло организованное большевиками восстание против немецкой оккупации Украины^[i]^[i], оказавшее серьёзную помощь Красной армии, наступавшей с севера (см. Донецко-Криворожская Советская Республика). В январе 1920 года в Лозоватке восстановлена советская власть. По приказу командира 45-й дивизии И. Э. Якира здесь формировал свою кавалерийскую бригаду Г. И. Котовский. С помощью штаба Котовского был создан Лозоватский ревком во главе с Л. М. Нежигаем, а вскоре проведены выборы в Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов^[комм. 3]. Весной 1920 года в Лозоватку из Екатеринослава с группой комсомольцев прибыл Николай Островский. Он имел выданное штабом 45-й дивизии свидетельство: «Предъявители сего — комсомольцы-добровольцы пожелали стать кавалеристами Котовского и направляются в бригаду, которая формируется»^[i].

В письме А. А. Жигиревой от 26 ноября 1928 года Островский, описывая случай бытового насилия, где он был, уже будучи лежачим инвалидом, вынужден без оружия вступить за жену соседа по коридору коммунального жилья, говорит: «Это шкурники, жестокие люди, один из них отличался потому, что хорошо рубал головы, хорошо, не разбираясь за что. Это я могу говорить, так как сам участвовал в 1920 году в усмирении их 6-й дивизии, восставшей против Советов при наступлении на Варшаву»^[i].

Эпизод бунта 6-й Кавдивизии предположительно или отказавшейся сниматься с фронта подо Львовом после тяжёлых потерь и немедленно наступать на Варшаву без пополнения и доукомплектования, или запятнавшей себя в погромах и мародёрстве^[комм. 4]^[i]^[i], должен, по известным документам, относиться к периоду от 15 до 20 августа 1920 г., когда 4-я Кавдивизия, где воевал Островский, и 6-я Кавдивизия 1-й Конной армии, вместе участвовали в тяжёлых боях с белополяками на осаде Львова^[комм. 5].

15 августа командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский передал приказ 1-й Конной армии перейти в район Владимир-Волынский, затем этот приказ был повторно передан 17 августа. Командование 1-й Конной ответило, что армия не может выйти из боя и поэтому приказ будет выполнен только после взятия Львова^[i].

В боях за Львов 6-я Кавдивизия понесла большие потери среди комсостава. Тяжёлые, но успешные бои шли уже в нескольких километрах от города, когда 20 августа 1-я Конная получила приказ председателя РВСР Л. Д. Троцкого, предписывающий срочно выполнить директиву командования

Западного фронта прекратить бои за Львов, и начать наступление на Варшаву^[14]. Только после этого 1-я Конная армия прекратила наступление и начала выводить свои части из боя.^[15]

За полтора месяца до перемирия, 19 августа 1920 года, Островский был ранен под Львовом. В мае 1967 года газета «Львовская правда» сообщила, что следопыты Подберезцовской школы вместе со своим учителем И. Вулом установили: Н. Островский был ранен под селом **Малые Подлески**, недалеко от Львова, где 19 августа был бой.

Известен факт прохождения Николаем Островским лечения в Киевском военном госпитале, куда не направлялись для лечения гражданские лица. Туда будущий писатель был доставлен 22 августа 1920 года с партией раненых красноармейцев с польского фронта и лечился в течение двух месяцев.^[комм. 5] После излечения у Николая остался шрам над глазом и именно с этого ранения начались проблемы со зрением.^[комм. 7]

«Демобилизован в октябре 1920 года из 4-й Кавдивизии^[16] Первой Конной Армии [по состоянию здоровья]» — запись в военном билете Николая Островского.^{[17][18]}

Позднее, пытаясь собрать затребованные документы для получения направления на лечение, он с горечью пишет в письме от 21.09.1928 А. Жигиревой: «… идиоты в ЧОК ВКП(б) [при проведении **партийной чистки** исключили из партии и] сожгли моё личное партдело, где были документы о всей моей работе с 1919 г., документы Красной Армии и ЧК и рабочие и т. д. „Сожгли как не взятые мною“. Как же я мог взять его [партдело], когда лежу? Вот сволочи!»^[19]

Весной 1921 года он окончил с отличием Единую трудовую школу в Шепетовке и уехал в **Изяслав**, вступил в части особого назначения (ЧОН), в их составе участвовал в борьбе с бандитизмом^[20]. По некоторым данным, в 1920—1921 годах был сотрудником ЧК в **Изяславе**. Вероятно, именно с этим летним периодом до отъезда в Киев связан эпизод, упомянутый позднее им в одном из писем к Л. Беренфус. Н. Островский пишет: «…не считайте меня, мой друг, за мальчишка, который сидя, ничего не делая, вздумал разочароваться и мечтает о воздушных замках, идеальной свободе и равенстве и братстве. Порыв того желания жить своей мечтой бросил меня в армию в 1920 г., но я быстро понял, что душить кого-то, не значит защищать свободу, да и многое другое. Потом Ревтрибунал и два месяца заключения, а потом ничего, кроме тоски, словно по дорогом, хорошему, потерянно безвозвратно …». Письмо Н. Островского Л. Беренфус от 3 октября 1922 года. См также письмо Островского А. А. Жигиревой от 21 апреля 1929 г., где он коротко описывает общее состояние человека при допросе в Ревтрибунале.^[21]

Осенью 1921 года поступил в Киеве в электротехническое училище (электротехникум) при Киевских железнодорожных мастерских, но был зачислен только на 1-й курс вместо предполагаемого 2-го, предполагалось 4-х или 5-летнее обучение. В 1921 году работал помощником электромонтёра в **Киевских** главных мастерских, учился в электротехникуме, одновременно был секретарём комсомольской организации.

В 1922 году некоторое время параллельно с учёбой в электротехникуме участвовал в комсомольском строительстве железнодорожной ветки для подвоза дров в Киев, при этом сильно заболел **тифом**.

После частичного выздоровления, с 9 августа по 15 сентября 1922 года проходил лечение на Бердянском курорте по рекомендации врачей.

С этим периодом связаны его исключительно важные для биографии письма Люси Беренфус, младшей дочери профессора Владимира Беренфуса, главврача Бердянского курорта, где лечили Островского, датированные 1922 и 1923 гг. Письма Островского в середине 1950-х гг. были разысканы бердянским краеведом и библиофилом, Иваном Ивановичем Марченко^[комм. 8]. Их оригиналы сейчас хранятся в Бердянском краеведческом музее.^{[22][23]} В большинстве изданий биографии Н. Островского данные письма приводятся с обширными цензурными купюрами тех фрагментов текста, где Николай Островский сообщает адресату о малоизвестных фактах его биографии, а именно — об отчислении из электротехникума, об инвалидности, попытке в конце 1922 года покончить с собой и застрелиться^[комм. 9], о нахождении под арестом и следствием Ревтрибунала летом 1920 или 1921 года из-за невыполнения приказа командира^[комм. 10], об участии в подавлении бунта военной части, впавшей в анархию (6-й дивизии при наступлении на Варшаву). В Ревтрибуналах предварительное следствие вела особые следственные комиссии^[24].

После лечения в Бердянске — грязелечебном курорте на берегу Азовского моря^[комм. 11], здоровье его несколько улучшается, Островский возвратился в Киев.

В середине ноября^[25] того же 1922 года резкий ветер нагнал на Днепре ледяное «сало». Плоты, которых ожидали в низовьях реки, могли зазимовать у Киева. На спасение лесослава мобилизовали комсомольцев. Работал среди них и Николай Островский. Он простудился и заболел анкилозирующим полиартритом (тяжелая болезнь суставов). Его поместили в больницу. Николай пролежал там две недели, потом сбежал домой, уехал в Шепетовку.

Островскому только что исполнилось восемнадцать лет. Здоровье оказалось настолько разрушенным, что врачебная комиссия постановила перевести его на инвалидность.

Островский скрывает от родных решение комиссии, признающее его инвалидом 1-й группы. Лишь после смерти писателя был обнаружен в его бумагах и стал известен этот первый документ об инвалидности Н. Островского, датированный 1922 годом.^[26]

Из-за отсутствия по болезни в электротехникуме в конце 1922 года был отчислен, получив заключение об инвалидности 1-й группы, предположительно в самом конце декабря 1922 года совершил неудачную попытку суицида^[27]. С января по конец марта 1923 года провёл три месяца в больнице^[28], далее работал в пограничных с Польшей городах Западной Украины — Берездове и Изяславе. В Берездове Николай сначала работал техником райкоммухоза. Был политруком Всевобуча и бойцом частей особого назначения (ЧОН).

Был секретарём райкома комсомола в **Берездове** и **Изяславе**, затем секретарём окружкома комсомола в Шепетовке (1924 год). В том же году вступил в **ВКП(б)**.

Этот период работы Островского нашёл широкое отражение в многочисленных прижизненных публикациях и материалах в местных украинских газетах «Юнацька правда» и «Шлях Жовтня» за 1924—1930 гг.

С 1927 года и до конца жизни Островский был прикован к постели неизлечимой болезнью. По официальной версии, на состоянии здоровья Островского сказались ранение и тяжёлые условия работы. Современные врачи на основании сохранившихся данных о состоянии здоровья писателя и течении его болезни установили, что Островский болел ризомелической формой **анкилозирующего спондилоартрита**^{[29][30]}.

Ранняя повесть о «котовцах» «Рождённые бурей»[править | править код]

Написав, по его словам, на украинском языке в середине 1920-х гг. несколько глав или частей для сборников по истории **КИМа** Украины для изданий **Истмола Украины**^{[14][31][комм. 12]} в соавторстве с товарищами по комсомолу, осенью 1927 года начинает писать (также, видимо, на украинском языке^[комм. 13]) автобиографическую прозу — повесть о дивизии Г. Котовского и «котовцах» «Рождённые бурей». Повесть обсуждалась Островским с **М. Пуринь**, П. Н. Новиковым, а после утраты рукописи — с А. Жигиревой^{[32][33]}.

Убийство Г. Котовского в 1925 году, суд над его убийцей **М. Зайдером**, обсуждение в кругу бывших «котовцев» судьбы Зайдера, освободившегося досрочно в 1927 году и замеченного ими в Одессе, публикации в Одессе **рассказов И. Бабеля, вошедших в «Конармию»**, критика С. Будённым «Конармии», полемика М. Горького с Будённым в отношении «Конармии»^[34] — те события, на фоне которых Островский взялся за повесть о дивизии Котовского.

Рукопись повести (по одной из версий, три главы) была послана в январе 1928 году в Одессу для оценки бывшим «котовцам» — однополчанам Островского^[комм. 14] и в Одесский Обллит, где к Николаю Островскому хорошо относились^[комм. 15], но спустя полгода «видимо, была утеряна при обратной пересылке» Н. Островскому^[комм. 16]. Более стандартной причиной могла быть задержка рукописи Островского на неопределённый срок (по факту, изъятие Одесским обллитом)^[комм. 17].

Ранняя повесть Островского, очевидно, показывала глазами участников событий, бойцов дивизии Котовского неудачную попытку реализации планов «советизации» Польши в 1920-м году, события под Львовом^[35], приведшие к **поражению Красной армии под Варшавой в советско-польской войне** и **краху надежд большевиков на «мировую революцию»**^{[36][37]}. Повесть не могла не касаться роли и признанных позднее ошибок В. Ленина, **Л. Троцкого**, **М. Тухачевского** в принятии политических решений о наступлении на Варшаву, за «**линию Керзона**», переброске частей РККА с одних критических участков советского-польского фронта на другие.

Высокая болезненность в СССР темы истинной роли и ответственности военного руководства РККА и высшего партийного руководства ВКП(б) при **поражении Красной армии под Варшавой** и в **советско-польской войне** привела к тому, что, например, тексты выступлений В. Ленина (главного инициатора наступления) по РККА и польскому вопросу периода **советско-польской войны**, озвученные им на IX Всероссийской конференции РКП(б) в 1920 году, были под запретом публикации все годы советской власти и до конца 1990-х гг.^{[36][38]}

Несмотря на неудачу^[комм. 18] и пропашу рукописи, тема советско-польской войны 1920 г., поражения в ней РККА, неудавшейся советизации буржуазной Польши остаётся исключительно важной для Н. Островского, он вернётся к ней в специальном подготовленном им издании на польском языке (1934)^[39] романа КЗС, с адаптированным для Польши текстом романа, и, позднее, в его последнем неоконченном романе с тем же названием, что и первая пропавшая повесть о «котовцах», **Рождённые бурей** (1936). Советско-польской войне отводилась вторая часть романа в трёх частях.

В одном из программных для понимания мировоззрения Островского письме от 13 марта 1935 года к комсомольцам аммиачного завода г. Березники он говорит: *«…Фашизм безнадежно попытается разгромить нашу страну. И вам, второму поколению комсомола, придётся сражаться с врагом в последнем и решительном бою с этим проклятием человечества. … И когда надо будет взяться за оружие, то вы покроете себя неуязвимой славой и укрепите своими руками красные штандарты в Варшаве и Берлине^[комм. 19], там, где мы не смогли их укрепить в 1920-м. Борьба продолжается…»*

Как закалялась сталь[править | править код]

В феврале 1927 г. Островский поступил в Заочный коммунистический университет при **Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова**, отделение истории Запада и Америки. Состояние здоровья, однако, сильно ухудшается. После неудачного лечения в санатории Островский решил поселиться в **Сочи**.

*«Я пробовал писать зарисовки из гражданской войны, из комсомольской жизни, описывал интересные события, типы. Однажды [в начале 1920-х гг.] пришлось побывать на встрече писателя **Сергея Мстиславского** с молодёжью Киева. Мстиславский призывал участников встречи описывать героизм гражданской войны и трудовых будней. „Вот это, думаю, угодил в самую точку! Дай-ка, думаю, покажу свои сочинения!“ И после встречи попросил Мстиславского посмотреть мои записи. Он в общем их одобрил, но сделал ряд существенных замечаний по языку и манере письма, посоветовал учиться. Но тогда было не до учёбы»,* — писал Николай Островский своему другу Петру Николаевичу Новикову.^[33]

С конца 1930 года он с помощью изобретённого им трафарета начинает писать роман **«Как закалялась сталь»**. Посланная в журнал **«Молодая гвардия»** рукопись получила разгромную рецензию: «выведенные типы нереальны». Однако Островский добился вторичного рецензирования рукописи. «…Все мои дела в редакции делает старик Феденев, — писал Николай, — его мне послала „фортуна“. Он член ВКП(б) с 1904 года, много сидел в тюрьмах, был комиссаром Конармии. Теперь руководит иностранным отделом Госбанка». После этого рукопись первого тома первого издания редактировали заместитель главного редактора «Молодой гвардии» **Марк Колосов** и ответственный редактор **Анна Караваяева**. Островский признавал большое участие Караваяевой в работе с текстом первой части романа; также он отмечал участие **Александра Серафимовича**, который «отдавал мне целые дни своего отдыха». В ЦГАЛИ и ИРПле есть фотокопии рукописи и фрагменты первого и второго романа, которые зафиксировали почерки 19 человек^[40], Островский диктовал текст книги «добровольным секретарям»^[комм. 20]. Текстологические исследования подтверждают авторство Островского^[41].

В апреле 1932 года журнал «Молодая гвардия» начал публиковать роман Островского. В ноябре того же года первая часть романа «Как закалялась сталь» вышла отдельной книгой в иной редакции и без последней главы, посвящённой участию П. Корчагина в **рабочей оппозиции** (формально по причине «нехватки бумаги у издательства»), после окончания публикации в журнале МГ.

В 1932 году Н. Островский руководит литературным кружком при редакции шепетовской газеты «Шлях Жовтня». «…Я стал руководителем литгруппы, и уже получил первые стихи на украинском языке для оценки», — пишет Н. Островский.^[42]

В 1934 году вышла вторая часть романа «Как закалялась сталь» в том же издательстве, подвергшаяся значительным, до одной трети объёма романа, цензурным сокращениям (Островский 13 июня 1934 года с сожалением пишет одному из близких друзей: «Из шестнадцати с половиной [печатных] листов напечатали десять с половиной. Комментарии излишни»^[комм. 21] под давлением многочисленных, сменяющих друг друга редакторов. Рассогласованность принципов редактирования редакторами КЗС в разных изданиях Н. Колосовым, А. Караваяевой, Р. Шлунт, К. Рыжиковым, Н. Родионовым, И. Гориной, К. Зелинским, Р. Ковнатор и произведённые обширные конъюнктурные и политические цензурные правки авторского материала нарушили единство текста КЗС, исказили первоначальную авторскую волю.

17 марта 1935 года военный журналист, писатель и общественный деятель **М. Кольцов** напечатал очерк об авторе «Мужество» в разделе «Люди нашей страны» в газете «Правда»^[43], после чего роман мгновенно приобрёл большую популярность в СССР.

Первое и последующие книжные русские издания существенно отличаются как от рукописи романа^[комм. 22], так и от первичной публикации романа в журнале «Молодая гвардия», были убраны крайне важные для современного понимания психологии молодёжи тех лет эпизоды участия Павла Корчагина в **«Рабочей оппозиции»**, упоминания **дискуссии о профсоюзах**, убраны эпизоды с Л. Троцким в армии и на фронте, **бурными дискуссиями тех лет с троцкистами и оппозиционерами, приведшими к расколу в рабочей, молодёжной беспартийной, партийной и комсомольской среде**^[44], сюжетные линии о поддельном студенчестве «приспособленцев» во времена нэпа, об агрессивном мещанстве в быту, существенно изменена или скорректирована любовная сюжетная линия главного героя.

Русское журнальное, русские книжные, первое украинское^[комм. 23] польское^[комм. 24] издания КЗС существенно отличаются по тексту, учитывают польскую и украинскую национальную специфику в понимании Н. Островского. В настоящий момент понимание психологии молодёжи тех лет издание (*Mikołaj Ostrowski. Jak hartowała się stal.* 1934. Изд. Молодая гвардия, Издание отдела литературы на иностранных языках) и первое издание КЗС в переводе на украинский язык (*Островський, Микола Олексійович.* Як гартувалася сталь [Текст] / М. О. Островський; пер. з рос. **О. П. Варавва.** — 1.вид. — К. ; О. : Молодий більшовик, 1934) являются исключительной редкостью и отсутствуют в фондах большинства крупнейших библиотек мира.

11 июля 1934 года в Киеве происходил юбилейный Пленум ЦК ЛКСМУ.^{[45][46]} На нём были **Косарев, Безыменский, Кольцов** и большинство старых работников комсомола Украины, впоследствии абсолютное большинство участников данного Пленума ЦК было репрессировано^[47]. 25 июля 1937 — полностью распушен как «контрреволюционный» ЦК ЛКСМ Украины в рамках начатых Ежовым кампаний **т. н. «национальных репрессий»**.

К Пленуму ЦК и юбилею украинского комсомола издательство ЦК ЛКСМУ «Молодой большевик» приурочило украинское издание «Як гартувалася сталь», обе части в одном томе. Книга содержала посвящение Пленуму, была роздана 500 его делегатам^[комм. 25].

«Николай Алексеевич Островский не мог не написать этот роман. Потому что вся его такая короткая долгая жизнь была этим романом. Таким смелым и таким светлым. Таким лиричным и таким драматичным. Вся его жизнь — это героический роман. Роман-эпопея, роман-баталия, роман-история, роман-трагедия… Впрочем, для кого-то сегодня это роман-приключение. А для некоторых — просто фантастика. Впрочем, невероятную правду можно назвать фантастикой. И всё же она остаётся правдой. Островский прожил всего 32 года. Но сколько за эти 32 года всего прожито!..», - написала о великом советском писателе **Елена Сазанович** в своем эссе «Рождённый бурей» в **«Литературной газете»**^[48].

В 1935 году Островский был награждён **орденом Ленина**, правительством СССР ему были подарены дом в **Сочи** и квартира в Москве на **улице Горького** (ныне его квартира-музей).

В 1936 году Николай Островский подготовил текст «Как закалялась сталь» на основе первого тома полного издания. Роман в обработке для детей среднего и старшего возраста был издан в том же году в Ленинграде в твёрдом переплёте с выдающимися иллюстрациями **А. Ф. Пахомова** в серии «Повести о детстве».

В январе 1936 года Островский был зачислен в **Политуправление Красной армии** со званием **бригадного комиссара**, чему немало радовался и, будучи совершенно неподвижным, по праздникам прислал его близких и помощников надеть комиссарский мундир: «Теперь я вернулся в строй и по этой, очень важной для гражданина Республики линии»^[49].

П. И. Львов. Посмертный портрет Николая Островского. 1936

Последние несколько месяцев он был окружён всеобщим почётом, принимая на дому читателей и писателей. Среди его посетителей был и лётчик **Валерий Чкалов**. Московский **Мёртвый переулоч** (ныне Пречистенский), в котором Николай жил в 1930—1932 годах, был переименован в его честь.

Рождённые бурей (роман)[править | править код]

Николай Островский взял на себя обязательство написать новый роман «**Рождённые бурей**» (под тем же названием, что и утраченная ранняя повесть 1928 года) в трёх частях и успел написать первую часть. Он говорил за несколько недель до смерти:

«Я хочу, я обязан дописать „Рождённые бурей“. Вот почему я дрожу над каждым своим часом... Болят слепые глаза. Представь, что тебе под веки насыпали крупного песка... Жжёт, неловко, больно. Мне предлагают вынуть глаза. Говорят, будет легче. Ненадолго. Но без глаз — это уже совсем страшно... Одного боюсь, что болезнь подбирается к мозгу, к штабу. Вот это уже будет непоправимо»...

«Посмертное вскрытие показало потрясающую картину физического распада всего организма. Только мозг, который на одре болезни он называл своим „главным штабом“, оказался в блестящем состоянии... Он встретил смерть без жалобы и стоны, с мужеством подлинного большевика, доблестного воина рабочего класса.»^[9]

В послесловии к первому, уже посмертному, изданию романа В. Кин писал, что Н. Островский рассказывал ему «... во второй и третьей книжках... хотел показать рост партизанского движения и работу комсомола в подполье, петлюровщину, польско-советскую войну 1920-го года и освобождение Украины от белополяков».

Роман был признан слабее предыдущего, в том числе самим Островским. По инициативе и при участии **Косарева**, рукопись романа была в рекордные сроки отпечатана небольшим тиражом в траурном оформлении, это первое посмертное издание новой книги с послесловием **В. Кина** дарили близким, друзьям и товарищам, приехавшим однополчанам Островского — «котовцам» на похоронах писателя. Посетивший Островского **Андре Жид** восхищённо отзывался о нём в своей книге «Возвращение из СССР», в целом выдержанной в критических тонах по отношению к СССР.

Смерть[править | править код]

Могила Николая Островского на Новодевичьем кладбище

Умер 22 декабря 1936 года в Москве. Причиной смерти стал **рассеянный склероз**, а также прогрессирующая **болезнь Бехтерева**.^[9] Похоронен на **Новодевичьем кладбище** (1-й уч.).

Сочинения[править | править код]

- 1927 — повесть о «котовцах» «Рождённые бурей» (автобиографическая повесть, рукопись «утрачена при пересылке»)
- 1930—1934 — «Как закалялась сталь»
- 1936 — «Рождённые бурей», с тем же названием, что и ранняя повесть
- «**Преступление и наказание**» - знаменитый роман, в котором ярко воплотились сложные философские искания и большое писательское мастерство Ф.М. Достоевского. Это произведение по праву занимает особое место не только в русской, но и во всей мировой литературе. В чём же заключается идейно-художественное своеобразие этого романа? Для ответа на поставленный вопрос вначале следует обратить внимание на жанр анализируемого произведения.
- Детективный сюжет «Преступления и наказания» насыщен социальными, психологическими и философскими проблемами, что позволяет считать это произведение социально-философским романом, построенным на основе психологического детектива. Такова жанровая особенность «Преступления и наказания».
- Пожалуй, столь же необычна и композиция этого романа. Описанию преступления здесь отводится лишь первая часть, а все последующие пять частей повествуют о наказании преступника. Писатель тщательно исследует психологию героя с целью заострить внимание на его душевных муках. Композиция романа позволяет Достоевскому на первый план выдвинуть не уголовную сторону дела, а «теоретическую».
- Теория Раскольникова является одним из главных мотивов его преступления. Согласно этой теории, избранной личности во имя торжества добра и справедливости разрешается проливать «кровь по совести», то есть устранять зло при помощи насилия.
- Поражает мастерство Достоевского в изображении сложной гаммы чувств, мыслей, внутренних состояний Раскольникова. В душе героя мысль постоянно борется с чувством, ибо всё человеческое в нём восстает против антигуманного решения убить старуху-процентщицу. Перешагивая через жизнь человека (пусть даже жалкой и вредной старушонки), Раскольников переступает через нравственную черту, за которой его неизбежно ожидают неотвратимые и страшные муки совести.
- Более того, в борьбе со злом он творит зло и тем самым не искореняет, а лишь умножает его. Непредвиденное убийство несчастной Лизаветы и её неродившегося ребёнка – вот страшное опровержение чудовищных заблуждений бедного студента. С изображения нравственных мучений своего героя Достоевский начинает развенчание теории «сверхчеловека».
- Ещё одним своеобразным художественным приёмом писателя является сопоставление абсолютно разных персонажей романа. Например, Раскольников и Лужин – страдалец за человечество и мелочный эгоист, не желающий делить свой кафтан с ближним. Два разных человека, две разные теории, но, по словам Раскольникова, «доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать». Вспомним и слова развратника и душегуба Свидригайлова, обращённые к Раскольникову: «Мы одного поля ягоды». Главный герой романа, разумеется, выше и Лужина, и Свидригайлова, судя по тому, во имя чего он переступает (ведь он и борется с такими, как они), но и Лужин, и Свидригайлов – это двойники Раскольникова, поскольку каждый из них способен переступить через кровь.
- Иную параллель представляют собой Раскольников и Соня, «убийца и блудница». Сближение этих героев позволяет автору выразить идею своего романа: «Их воскресила любовь». По мнению писателя, страшный, жестокий, несправедливый мир может спасти не насилие («Весь мир не стоит слезы ребёнка»), а любовь и красота души, красота человеческих взаимоотношений («Мир спасёт Красота»). Прийти к пониманию этой истины человеку может помочь страдание, которое станет залогом внутреннего очищения и началом духовного воскрешения. Только на каторге Раскольников окончательно осознал ошибочность своей теории и смог воспринять правду Сони, правду самого Достоевского.
- Идейно-художественное своеобразие романа «Преступление и наказание» заключается, прежде всего, в том, что в этом произведении Достоевский очень убедительно, с потрясающей силой своего гения отрицает необходимость «крови по совести» и утверждает идеалы гуманизма, идеалы добра и человеколюбия. Великие истины этого романа

стали неотъемлемым достоянием всего прогрессивного человечества, прошедшего через ужасы фашизма и большевистского террора, через те общественные катаклизмы, которые так прозорливо предвидел замечательный русский писатель.